

Научная статья
УДК 94(470) + 7.074
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.11>

Практики коллекционирования московских предпринимателей-старообрядцев XIX – начала XX в.

Оксана Валерьевна Игнатьева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
ignatieva2007@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9374-7378>

Аннотация. В статье рассматривается роль московского купечества и промышленников в истории частного коллекционирования в России. В основе исследования данной темы находится научная дискуссия о значении старообрядчества для развития капиталистических отношений в России XIX – начала XX в. Показывается взаимосвязь между старообрядчеством, экономическим подъемом в текстильном производстве и эволюцией практик коллекционирования в Москве. Автор делает выводы, что старообрядческий и купеческий этос первоначально не противоречил собирательству русских древностей, а с 1840-х гг. – и национальной живописи. С начала XX в. в изменившейся экономической ситуации старообрядческие традиции московской буржуазии отошли на второй план, уступив место европейским ценностям и вкусам. Это, в свою очередь, привело к появлению идентичности коллекционера как самостоятельного участника художественного и антикварного рынка, а также культурной среды.

Ключевые слова: история частного коллекционирования, старообрядчество, московские предприниматели

Для цитирования: Игнатьева О.В. Практики коллекционирования московских предпринимателей-старообрядцев XIX – начала XX в. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 65–68. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.11>.

Original article

Collection practices of Moscow old-believers' merchants of the 19th and early 20th centuries

Oksana V. Ignatieva

Perm State National Research University, Perm, Russia, ignatieva2007@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9374-7378>

Abstract. The paper examines the role of Moscow merchants and industrialists in the history of Russian private collecting. Based on the study of this issue, there is a scholarly discussion about the importance of Old Believers in the development of capitalist relations in Russia in the 19th and early 20th centuries. The interrelationship between Old Believerism, the economic upturn in textile production as well as the evolution of collecting practices in Moscow is showcased. The author concludes that the Old Believer and merchant ethos initially did not conflict with the collection of Russian antiquities and, from the 1840s onwards, with national painting. Since the beginning of the 20th century, in a changed economic situation, the Old Believer traditions of the Moscow bourgeoisie have receded into the background, giving way to European values and tastes. This, in turn, led to the emergence of the collector's identity as an independent participant in the art and antiques market, as well as in the cultural environment.

Keywords: history of private collecting, Old Believers, Moscow merchants

For citation: Ignatieva O.V. Collection practices of Moscow old-believers' merchants of the 19th and early 20th centuries // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 9. P. 65–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.11>.

Во второй половине XIX – начале XX в. происходит перемещение центра коллекционирования из Санкт-Петербурга, столицы Российской империи, в Москву. Если в Петербурге XVIII – первой половины XIX в. коллекционированием занимались императорский двор и аристократия, то в Москве роль коллекционеров берут на себя купечество и, позднее, промышленники, представители русской буржуазии. Аналогичные тенденции перехода практик коллекционирования от аристократии к буржуазии были характерны и для Европы в указанный период. Центром притяжения нового правящего класса становится «имущая образованная буржуазия» [1, с. 14].

В научной литературе уже было подмечено, что самыми известными московскими коллекционерами второй половины XIX – начала XX в. были промышленники, занимавшиеся текстильным производством: К.Т. Солдатенков, братья П.М. Третьяков и С.М. Третьяков, братья Щукины,

Морозовы, большая часть из которых были старообрядцами. Дискуссия о влиянии старообрядческого этоса на развитие капитализма в России актуальна на сегодняшний день. Уже в XIX в. экономические успехи старообрядцев привлекли внимание первых исследователей [2].

Впоследствии С.А. Зеньковский впервые начал рассматривать старообрядцев в качестве российского варианта протестантов в Европе [3]. Он проводит параллели с работами М. Вебера и В. Зомбарта, посвященными формированию капитализма в Европе, и все современные исследователи старообрядчества исходят в своих гипотезах из этого научного наследия [4].

И с точки зрения развития капитализма, и в контексте изучения практик коллекционирования важным является вопрос о том, как старообрядческое мировоззрение, основанное на сохранении традиций и консервативное по сути, не вступало в конфликт с ценностями модернизации. Необходимо отметить, что практики коллекционирования были известны старообрядцам с конца XVIII – первой половины XIX в. и первоначально они полностью соответствовали характеру деятельности старообрядческих общин. Поскольку традиционализм старообрядцев отвергал появившиеся после раскола иконы и религиозные тексты, неудивительно, что именно старопечатные книги, рукописи и иконы старого письма стали первыми объектами собирательства старообрядческого купечества, прежде всего в Москве.

Так, в начале XIX в. одним из наиболее обширных книжных и рукописных собраний стала коллекция купца-старообрядца Ивана Никитича Царского (1789–1853). В 1836 г. вышло ее первое описание, подготовленное известным архивистом П.М. Строевым. И.Н. Царский был купцом первой гильдии, активным старообрядческим деятелем, почетным гражданином, а также членом научных обществ.

Кроме старопечатных книг и рукописей, важным объектом коллекционирования старообрядческого купечества стала икона. Как отмечал Ф.И. Буслаев в 1860-е гг. после посещения молелен московских старообрядцев, икона перестала быть только объектом религиозного поклонения, она начала цениться за особые эстетические характеристики и выступать объектом изучения [5, с. 7–8].

К аналогичным выводам о том, что икона становится объектом коллекционирования у старообрядцев в конце XVIII – начале XIX в., приходит современный исследователь А.С. Преображенский. Автор рассмотрел ряд икон с владельческими знаками и надписями, большая часть которых принадлежала московским купцам-старообрядцам. Именно здесь возникает интересная традиция, образцом для которой, возможно, послужили надписи на иконах строгановского письма. Однако сама она уже развилась в новых условиях своего рода конкуренции между коллекционерами, представителями одной старообрядческой общины, и проявилась не просто в собирании икон и создании домашней молельни, а в передаче с помощью владельческих текстов провенанса той или иной ценной иконы [6].

Следующим нововведением в практиках коллекционирования предпринимателей-старообрядцев после возникновения владельческих надписей на иконах стало формирование смешанных собраний, в которых наряду с иконами в домашней молельне фигурировали произведения светского искусства – живописи и скульптуры. Видимо, одним из первых подобной коллекцией владел московский предприниматель и старообрядец Козьма Терентьевич Солдатёнков (1818–1901). История семейного бизнеса Солдатёнковых типична для старообрядческого предпринимательства. Дед, Егор Васильевич, родом из деревни недалеко от Павловского Посада, там же основал небольшое шелкоткацкое производство. Сыновья, Терентий и Константин, продолжили и расширили дело, переехали в Москву.

Семья К.Т. Солдатёнкова не была многочисленной, после смерти единственного брата в 1852 г. он стал главой семейного предприятия, активно участвуя и в других экономических инициативах. Так, Козьма Терентьевич был задействован в создании крупнейшего в свое время текстильного производства – Товарищества Кренгольмской мануфактуры, учреждении ряда банков и пайщиков нескольких известных товариществ в текстильной сфере.

Являясь одним из известных московских предпринимателей, К.Т. Солдатёнков не просто участвовал в делах старообрядческой общины Рогожского кладбища в Москве, но и какое-то время возглавлял ее. Собирать картины Козьма Терентьевич начал в 1840-е гг., а в период 1850-х гг. задумывался о создании музея русских художников, что впоследствии будет осуществлено П.М. Третьяковым. Эта идея высказана в письмах к художнику А. Иванову, которого К.Т. Солдатёнков привлек в качестве эксперта для покупки картин. В ответном письме из столицы Италии от 1852 г. А. Иванов пишет: «Крайне сожалею, что ваше короткое пребывание в Риме не дало мне довольно времени, чтобы ближе с вами познакомиться, достигнуть до самых искренних разговоров, ибо посредством переписки не только трудно, но даже и мало можем мы узнать друг друга. Так, например, ваши два письма, от 16 (28) августа и 4 (16) ноября кажутся мне как будто двух разных лиц. "Прошу вас покупать для меня, что вы заметите хорошего у русских художников – мое желание

собрать галерею только русских художников!"» [7, с. 277–278]. Переписка продолжалась до приезда художника в Россию, и, судя по письмам, планировалось непосредственное участие А. Иванова в реализации намерения К.Т. Солдатёнова относительно галереи русских художников.

Однако проект так и не был подготовлен из-за ранней смерти художника, а в начале 1850-х гг. с аналогичной идеей выступил П.М. Третьяков, с которым К.Т. Солдатёнов был связан деловыми, общественными и дружескими связями. Более того, Павел Михайлович являлся посредником между русскими художниками и некоторыми собирателями, прежде всего К.Т. Солдатёновым. Возможно, именно то обстоятельство, что П.М. Третьяков с первых шагов собирательства стал публично заявлять о создании музея русского искусства и планомерно осуществлять свое намерение, в итоге привело к отказу К.Т. Солдатёнова от проекта собственной галереи.

Кроме того, в начале 1860-х гг. обсуждается, а потом и реализуется идея переноса Румянцевского музея из Санкт-Петербурга в Москву. К.Т. Солдатёнов не только включился в осуществление этого проекта финансово и организационно, но и впоследствии завещал свое собрание картин именно этому музею в виде именного зала.

На примере К.Т. Солдатёнова хорошо заметно, что старообрядческое воспитание и участие в делах общины вполне уживались с успешным предпринимательством, издательской деятельностью, собиранием картин, поездками в Европу, в том числе на всемирные выставки, и даже граждански браком с француженкой. Покупая бывшие дворянские московские особняки и загородные имения, новые московские предприниматели по своим правилам создавали интерьеры, в которых итальянские пейзажи и портреты русских художников соседствовали с картинами художников-передвижников на социальную тему, а античная скульптура и обстановка богатых гостиных – с иконами в личных молельнях [8, с. 53–54].

Можно согласиться с тем, что старообрядческая вера, являясь консервативной по установкам, не мешала использованию инноваций в предпринимательской деятельности, «напротив, вера придавала этим нововведениям устойчивость при том условии, что они не затрагивали содержания вероучения» [9, с. 241]. Успешная предпринимательская деятельность, особенно на первом этапе до реформы 1861 г., была возможна при отсутствии государственного кредитования и крепостного права благодаря общинной организации старообрядцев. В этой среде возникали и получали поддержку общины самые инициативные люди с «коммерческой жилкой», а в трудные времена преследований такие купцы служили общине защитой и экономической поддержкой. Однако чем глубже новые предприниматели входили в светскую экономическую среду, налаживали связи с иностранными партнерами и чиновниками, тем более в образе жизни они ориентировались на стандарты демонстративного потребления. Если первоначально практики коллекционирования существовали прежде всего как способ сохранения допетровского наследия – старых книг, рукописей, икон, то позднее они начали включать в себя и собирание образцов отечественного искусства.

Дебаты о судьбе русского искусства были характерны для всего XIX века [10], именно в Москве они объединяли людей разных сословий – чиновников и дворян, купцов и художников, профессоров Московского университета. С Москвой стали связывать будущее национального искусства, и московские предприниматели увидели в коллекционировании современной им живописи русских художников один из возможных форматов благотворительной деятельности. Публичностью своих собраний, передачей их уже созданным музеям или основанием новых галерей сугубо национальных художников формирующаяся российская буржуазия решала проблему легитимации. С одной стороны, это служило оправданием полученных в ходе коммерческой деятельности богатств, с другой – их траты направлялись не на продолжение семейного бизнеса, а на помощь общине и благотворительность.

В конце XIX – начале XX в. наиболее остро проявляется дилемма между старообрядческими традициями и новыми условиями экономической деятельности. Сохранять приверженность старообрядчеству и при этом быть успешными в конкуренции и развитии предпринимательства стало невозможным. Наблюдалось размежевание и выбор между религиозными или светскими ценностями, в соответствии с этим решалась дальнейшая судьба семейного бизнеса [11, с. 261].

Примером старообрядческой семьи Щукиных, известной в начале XX в. именно своими коллекциями, можно проиллюстрировать меняющиеся условия и поколенческую эволюцию в системе ценностей. И.В. Щукин, московский фабрикант и старообрядец, всем сыновьям старался дать образование, связанное с семейным ткацким делом, отправлял для стажировки на передовые европейские предприятия. По традициям старообрядческой среды сыновья, независимо от склонностей и желаний, должны были включиться в семейную фирму, которая и была создана в виде торгового дома «И.В. Щукин и сыновья» в 1878 г. Однако после смерти отца сыновья начали вести тот образ жизни, к которому у них были склонности и желание, включая коллекционирование. Так, И.И. Щукин поселился в Париже, формируя богемный круг общения, собирая образцы

европейского искусства и выступая посредником в покупке произведений живописи. В итоге он растратил доставшееся от отца состояние, а после того как большая часть его коллекции была признана экспертами подделками, зайдя в финансовый тупик, покончил жизнь самоубийством. Петр и Сергей, оставшись в семейном бизнесе, каждый своим путем пришел к коллекционированию. Основным делом жизни П.И. Щукина после смерти отца стал музей русских древностей, который он передал в 1905 г. в Исторический музей. С.И. Щукин, на котором лежала главная ответственность за семейное дело, женившись, купил в Москве особняк князей Трубецких с фамильным собранием. Эта коллекция была продана. При активном влиянии брата, Ивана Ивановича, посредством знакомств в Париже он начал собирать французскую современную живопись. После смерти первой жены Сергей Иванович в 1907 г. составил завещание, где было указано о передаче коллекции Третьяковской галерее в качестве музея современной французской живописи [12]. Д.И. Щукин также только после смерти главы семьи стал коллекционером, полностью оставив семейный бизнес. Он собирал европейское искусство, в отличие от брата, И.И. Щукина, покупал картины, только полностью удостоверившись в их подлинности. Свое собрание еще при жизни Д.И. Щукин начал передавать Румянцевскому музею.

Таким образом, на примере Щукиных очевидно, что к началу XX в. старообрядческие традиции остались для них в семейном прошлом. Несмотря на полную зависимость сыновей от воли и планов отца, после его смерти не все из них продолжили заниматься предпринимательством. Семейные капиталы, образование, знание языков позволили им чувствовать себя свободно в Европе при установлении контактов с европейскими художниками, арт-дилерами и экспертами.

Практики коллекционирования уже настолько были легитимированы в российском обществе, буржуазной среде, что выход из предпринимательских занятий мог быть связан с обретением новой идентичности – коллекционера, основателя музея. В начале XX в. коллекционер становится важной фигурой в российском культурном ландшафте, проводником нового искусства, а также хранителем и собирателем старого. Возникают возможности для проявления идентичности коллекционера – в собственном выборе тем и практик собирательства, демонстрации эстетических предпочтений, даже начинает формироваться собственный нарратив о коллекционировании в виде воспоминаний, записок участников событий и т. д. [13, р. 6].

Список источников:

1. Моретти Ф. Буржуа. Между историей и литературой / пер. с англ. И. Кушнारेвой. М., 2014. 264 с.
2. Мельников-Печерский П.И. Очерки поповщины. М., 2020. 280 с.
3. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2 т. / сост. Г.М. Прохоров ; общ. ред. В.В. Нехотина. М., 2009. 688 с.
4. Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. / отв. ред. Б.В. Ананьич, Д. Дальманн, Ю.А. Петров. М., 2010. 551 с.
5. Буслаев Ф.И. Московские молельни. М., 1866. 17 с.
6. Преображенский А.С. Иконные собрания московских старообрядцев в начале XIX в. Свидетельства владельческих надписей // Исторические исследования. 2015. № 1 (2). С. 206–217.
7. Иванов А.А. Его жизнь и переписка 1806–1858 гг. (с биогр. очерком М.П. Боткина). СПб., 1880. 478 с.
8. Рахманова С. История одной любви (из памятных тетрадей 1890-х гг.) // Московский журнал. 1992. № 11/12. С. 53–54.
9. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012. 344 с.
10. Игнатьева О.В. П.М. Третьяков и В.В. Стасов: диалог о природе национального изобразительного искусства // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2017. № 2 (37). С. 75–84. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-2-75-84>.
11. Расков Д.Е. Указ. соч. С. 261.
12. Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... М., 1993. 160 с.
13. Maza S. The Myth of the French Bourgeoisie: An Essay on the Social Imaginary, 1750–1850. Cambridge, 2003. 255 p.

Информация об авторе

О.В. Игнатьева – кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=330602.

Information about the author

O.V. Ignatieva – PhD in History, Associate Professor, Acting Head of the Department of Cultural Studies and Socio-Humanitarian Technologies, Perm State National Research University, Perm, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=330602.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.08.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.08.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 09.09.2021.